

Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917 – 1918 гг. на историю Русской Православной Церкви в 20 веке.

Всероссийский Поместный Собор был созван в августе 1917 г. и в сентябре 1918 г. вынужден прекратить свою работу, не завершив ее. Однако, он, несомненно, стал заметным явлением общехристианской истории, рядом своих решений и постановкой самих вопросов опередив весь христианский мир. Наибольшее же значение Собор имел для самой Русской Православной Церкви. Фактически была создана программа существования этой Церкви в новую эпоху, и хотя многие ее принципы и положения не могли быть реализованы на практике в советский период, они продолжали жить подспудно в сознании духовенства и мирян, зачастую определяя их поступки и образ мышления.

Среди принятых Собором постановлений следует отметить определения о восстановлении Патриаршества (для принятия которого особенно много усилий приложил митрополит Антоний Храповицкий), о привлечении женщин к деятельному участию в церковном служении, о церковном проповедничестве, о братствах ученых монахов, о порядке прославления святых к местному почитанию и др. Успел Собор и выпустить уставы новой соборной структуры всей Церкви, основанной на началах широкой инициативы и выборности – от Патриарха до самоуправляемых приходов. Без этих преобразований Русской Церкви было бы значительно сложнее пережить агрессию безбожного государства. Даже сам ход дискуссий по различным актуальным проблемам того времени: о свободе совести, равноправии конфессий, старом и новом календаре, трактовке и реализации декрета об отделении Церкви от государства и т.д. оказал заметное влияние на последующую церковную историю.

В начале 20 века Русская Православная Церковь находилась в состоянии серьезного кризиса. Но именно Поместный Собор показал, что она является живым организмом, имевшим огромные нереализованные потенции. Как только появилась возможность, Церковь начала бурно развиваться и возрождаться. Начавшийся процесс возрождения Русской Православной Церкви был насильственно прерван. Ярко выраженная антирелигиозная направленность деятельности советского правительства, тяжелейшие удары по Церкви, нанесенные уже в течение первого года после Октябрьского переворота и серьезно поколебавшие многие устои, также стали одной из важнейших причин неудачи и ее миротворческой функции. Антицерковные акции сильнее всего отразились на сознании всех основных социальных слоев России и явились существенным фактором ужесточения гражданской войны. Но импульс Собора все же сохранялся весь XX век, и именно он во многом позволил Церкви выстоять в пору самых жестоких гонений.

В разные периоды истории на первый план выходили различные решения Собора. В годы гражданской войны особое значение имела его работа по активизации церковной деятельности мирян и, прежде всего, возрождению приходов. Принятый 20 апреля 1918 г. Приходской устав, утвердив единство Церкви под началом иерархии, в то же время закрепил автономность и самостоятельность прихода, предусматривалось и создание союзов приходов. В дальнейшем этот устав выполнялся в основном за рубежом России. Так Русский Всеаглицкий Церковный Собор в Сремских Карловцах определением от 28 ноября 1921 г. постановил: «Необходимо ввести среди русских беженцев повсеместное устройство, развитие и укрепление православных общин – приходов, на основе утвержденного Всероссийским Московским Собором приходского Устава». Но и в СССР некоторые положения устава продолжали жить. Как известно, советское законодательство сводило Церковь к т.н. «пятидесяткам», а затем и «двадцаткам» – объединениям верующих граждан (прихожан) в количестве не

менее 20 человек, которым и передавались по договору в пользование все церковное имущество и здания храмов. На плечи этих общин легла основная тяжесть борьбы в чрезвычайно трудный для Церкви период 1918 – 1920 гг. В это время разрастание гражданской войны сопровождалось ужесточением антирелигиозной политики коммунистической партии. Расчет строился на полном и недолгом отмирании Церкви и религии, которые определялись не более как предрассудки. Считалось, что их может достаточно быстро преодолеть «целенаправленная система воспитания» и «революционного воздействия», в том числе насильственного. Позднее в советской атеистической литературе этот период борьбы с Церковью получил название «бури и натиска».¹

Однако этот «натиск» потерпел неудачу, и основная причина ее заключалась в оживлении приходской, проповеднической и миссионерской деятельности Церкви. 27 января 1918 г. Собор утвердил воззвание «К православному народу», призывая верующих объединиться под церковными знаменами для защиты святынь. В различных городах страны прошли многолюдные крестные ходы, причем некоторые из них были расстреляны, в общественных местах устраивались богослужения в поддержку Патриархии, в адрес правительства отправлялись коллективные петиции и т.д. В России начался массовый религиозный подъем. В 1918 г. к Православной Церкви, гонимой, а не господствующей, как ранее, пришли тысячи новообращенных, в том числе видные представители интеллигенции. Распространению религиозности способствовали и бедствия гражданской войны. В Петрограде, а затем по всей стране создаются массовые организации – союзы, братства, комитеты мирян и т. д. Возник и «Всероссийский союз объединенных приходов Православной Церкви».²

В Москве в марте 1918 г. был создан Совет объединенных приходов, организованный и возглавляемый А.Д. Самариним и Н.Д. Кузнецовым, ставивший своей задачей защиту храмов и монастырей, которым угрожало закрытие. Совет издавал «Еженедельник», где печатал свои постановления, сформировал группу охраны Патриарха на Троицком подворье, когда Первосвятителю угрожала расправа. В северной столице особенно заметную роль играло Братство приходских советов Петрограда и епархии, позднее преобразованное в Общество православных приходов Петрограда, а всего в городе на Неве в годы гражданской войны возникло более 20 братств, в основном созданных наиболее активными приходскими общинами. Они провели две конференции, на одной из которых был принят примерный общебратский устав, избран совет общебратского союза, просуществовавший до весны 1922 г.³

В отличие от дореволюционных времен главной целью братств было духовное воспитание христиан, способных сохранить жизнь по вере в условиях гонений. Особую роль сыграло созданное в Петрограде в январе 1918 г. Александро-Невское братство, которое помогло спасти от ликвидации в это время Александро-Невскую Лавру. Находясь под «дамокловым мечом» репрессий в течение всех лет своего существования, оно проявляло удивительную активность и разнообразие видов деятельности. История братства свидетельствует о том, что оно было одной из самых оптимальных форм объединения верующих в условиях безбожных гонений. Александро-Невское братство представляло собой живой, динамичный организм – конкретные виды и формы его работы и внутренней жизни неоднократно менялись с учетом изменения общественно-политических и социальных условий. В известном смысле оно представляло собой стержень жизни епархии, на протяжении четырнадцати лет играя заметную роль во всех важнейших событиях этой жизни, в частности, активно борясь с обновленческим расколом.

Братство было создано при Лавре из мирян, как мужчин, так и женщин, под руководством монахов, и в первое время одной из его главных функций являлась защита обители от посягательств безбожников. Затем – в 1919–1921 гг. – ему принадлежала центральная роль в создании и деятельности союза православных братств Петроградской епархии. Именно на него ориентировались все другие

подобные объединения верующих. В эти же и последующие годы Александро-Невское братство неустанно стремилось привлечь в церковную среду представителей различных слоев интеллигенции, сблизить их с ученым монашеством, в чем и добилось заметных успехов. Братчики и братчицы имели постоянную тесную связь с возникшими после революции новыми формами духовного образования – Богословским институтом, разнообразными курсами и т.д., но особенно крепкой эта связь была с Богословско-пастырским училищем, где члены братства составляли значительную часть учащихся и преподавателей. Следует отметить также, что Александро-Невское братство в определенном смысле представляло собой звено в сети полулегальных религиозно-философских кружков и обществ, существовавшей в 1920-е годы в северной столице. Оно имело в своем составе особый философский кружок во главе с архимандритом Варлаамом (Сацердотским). Кроме того, некоторые братчики входили в состав других обществ или поддерживали с ними непосредственный контакт, прежде всего, с крупнейшей подобной организацией «Воскресенье».

Важным направлением деятельности братства являлось создание полулегальных монашеских общин в миру, а также монашеские постриги молодых людей (в том числе тайные) с целью сохранения института монашества в условиях массового закрытия существовавших ранее обителей. Первые две общины сестер были созданы осенью 1922 г., затем в конце 1920-х – начале 1930-х гг. возникли еще несколько небольших общин. Особенно активно в эти времена проводились тайные постриги. Братские отцы всегда считали одной из основных своих задач подготовку молодых образованных священнослужителей, что в условиях ограничения, а затем и полной ликвидации духовного образования позволило бы сохранить кадры духовенства, способного в будущем осуществить возрождение Церкви. Деятельность братства очень помогала сплочению верующих всех возрастов и сословий перед лицом яростных антицерковных гонений. К 1932 г. его жизнь отнюдь не затухала, продолжался приток образованных молодых людей – студентов, аспирантов, учащихся техникумов и т.д. Несмотря на фактически нелегальное существование, братство продолжало строжайше запрещенную советскими законами общественно-благотворительную деятельность (помощь больным, заключенным, монастырям епархии, обучение детей Закону Божию). Численность братчиков редко превышала 100 человек, но это была выдающаяся по своим духовным качествам группа верующих.

Все руководители братства кроме будущего митрополита Ленинградского Гурия (Егорова) погибли в 1936–1938 гг., почти полностью было уничтожено и первое поколение молодых монахов, принявших постриг до 1932 г. Но в основном уцелели те братчики, которые на момент разгрома еще являлись подростками. Именно из этого слоя вышли три будущих видных архиерея – митрополиты Иоанн (Вендланд), Леонид (Поляков), архиепископ Никон (Фомичев), а также другие священнослужители. Семена, посеянные братскими отцами дали свои благодатные всходы. Если бы не ужасные репрессии 1930-х гг. таких «всходов» было бы гораздо больше.⁴

Весь период гражданской войны действовали созданные Собором органы Высшего церковного управления – состоящий из архиереев Священный Синод под председательством Патриарха и Высший Церковный Совет (ВЦС), включавший кроме Патриарха и трех членов Синода представителей приходского духовенства, монашествующих и мирян. Определение от 20 сентября 1918 г. предоставляло Патриарху полномочия созвать очередной Собор весной 1921 г. Предусматривалось также, что избранные члены Синода и ВЦС сохраняют свои полномочия до избрания нового состава этих органов очередным Собором. Таким образом, была заложена норма регулярного проведения Поместных Соборов не реже одного раза в три года. С этого времени на многие десятилетия в церковном сознании утвердился принцип соборности, представление о том, что верховную власть в Русской Православной Церкви имеет Собор из епископов, клириков и мирян, а органы Высшего церковного управления подчинены и подотчетны ему.

Святейший Патриарх Тихон весь период своего правления понимал себя в качестве Патриарха, действующим по заданию Собора и всеми доступными ему средствами боролся за соборность Церкви, неоднократно предпринимая попытки добиться созыва нового Поместного Собора. Деятельность Священного Синода и ВЦС продолжалась вплоть до мая 1922 г., даже неоднократные аресты Патриарха не привели к отмене их заседаний. Можно вполне согласиться с выводом, сделанным на основе богатого архивного материала историком А.Н. Кашеваровым, что «несмотря на препоны и провокации со стороны ВЧК, Высшее церковное управление продолжало в целом нормально функционировать».⁵ Хотя намеченный на 1921 г. Собор из-за противодействия властей созвать не удалось, и формально в связи с истечением трехлетнего межсоборного срока полномочия избранных в 1917 – 1918 гг. членов Синода и ВЦС прекратились, фактически они были продолжены на неопределенно долгий срок до будущего Собора, пока произошедший в мае 1922 г. обновленческий раскол не прервал их.

Существенную роль в сохранении части монастырей до начала 1930-х гг. сыграли перемены, произошедшие в жизни обителей в 1917 – 1918 гг. (в том числе определение Собора «О монастырях и монашествующих» от 13 сентября 1918 г.) – ее оживление монастырской жизни, превращение ряда обителей в нравственно-религиозные центры, развитие ученого монашества, старчества и т.д. В 1918 г. некоторые монастыри были преобразованы в сельскохозяйственные артели и коммуны и в таком виде просуществовали до начала «сплошной коллективизации» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Последний же монастырь в СССР – Забудушенская пустынь в Новгородской епархии был закрыт в 1937 г., а все его насельники расстреляны.

Определенное значение уже в годы гражданской войны имело рассмотрение Собором вопросов, связанных с судьбой отдельных национальных частей Российской Православной Церкви и проблем взаимоотношений с другими христианскими конфессиями. Так, 29 мая 1918 г. Собор даровал автономный статус Украинской Церкви при сохранении ею юрисдикционной связи с Российской Матерью-Церковью, что имеет значительную актуальность не только в то или в военное, но и в наше время. Соборными отделами были также подготовлены доклады о Грузинской автокефалии и устройстве Православной Церкви в Финляндии, эти вопросы были разрешены уже в 1940-е – 1950-е годы, но во многом в духе готовившихся соборных решений.

В повестке дня Собора важное место занимал вопрос о духовном образовании. Так образованы были отделы о Духовных Академиях, о духовно-учебных заведениях, о церковно-приходских школах и законоучительский. Отдел о духовно-учебных заведениях принял следующие основные положения: 1. Задачи пастырского служения требуют от кандидатов священства высшего богословского образования; 2. Для осуществления этого необходимо увеличение числа Духовных Академий; 3. Впредь до осуществления указанных условий церковной жизни учреждаются духовно-учебные заведения следующих типов: а. Пастырские училища с полным богословским образованием в объеме усовершенствованных программ духовных семинарий; б. Пастырские училища с неполным богословским образованием».

Отдел о Духовных Академиях «представил основные начала преобразования» и штаты Академий, принятые Собором, а также устав Академий и заключение по проекту монашеской Академии, с идеей создания которой выступил епископ Феодор (Поздеевский). 20 апреля 1918 г., Собор принял «Определение об основных началах преобразования и введении в действие новых штатов православных Духовных Академий», в котором предписывалось Высшему Церковному Управлению ввести в действие выработанный отделом устав Духовных Академий с начала 1918 – 19 учебного года и принять расходы на содержание Академий на средства общецерковной казны.

Одновременно было принято «Определение о духовных семинариях и училищах и о пастырских училищах», в котором говорилось о необходимости оставить духовные семинарии и училища в прежнем административном и учебно-воспитательном строе, но наряду с ними учредить пастырские училища.

В соответствии с соборными решениями Патриарх Тихон, Священный Синод и Высший Церковный Совет приняли все меры к организации духовного образования в условиях отделения Церкви от государства. Примером такого попечения служит образование особой общецерковной казны при Высшем Церковном Управлении для покрытия расходов по содержанию личного состава духовно-учебных заведений, так как они лишились государственных субсидий. Прозвучавшее на Соборе пожелание об увеличении числа Духовных Академии осталось неосуществленным до начала 1990-х гг.

К лету 1918 г. Синод разослал епархиальным архиереям Положение о пастырских училищах (с 4-летним курсом обучения) для руководства при их учреждении. Оно было выработано соборным отделом о духовно-учебных заведениях и 30 мая одобрено Высшим Церковным Управлением. В училища, по Положению, принимались юноши не моложе 16 лет. От воспитанников требовалось не только теоретическое усвоение знаний, но и непосредственная вовлеченность в церковно-общественную жизнь: участие в богослужении и проповеди в приходских храмах, ведение внебогослужебных религиозно-нравственных бесед и чтений, сотрудничество в благотворительных организациях и братствах и т.д. В училищном храме предполагалось ежедневное совершение литургии и вечерни, причем на литургии должны были присутствовать все воспитанники, на вечернем же богослужении – по очереди классов. Принципиально новыми здесь были два момента: установка на преимущественно практический характер обучения и привлечение к руководству учебно-воспитательным делом выборных представителей от епархии, поскольку сами училища содержались на епархиальный счет. Впервые в истории Русской Церкви проект был целиком направлен на решение внутрицерковных задач без ориентации на государственную поддержку.

Интересно отметить, что у Патриарха Тихона был уникальный опыт организации духовного образования на чисто церковной основе в бытность его архиепископом Нью-Йоркским и Алеутским: в США, где религия отделена от государства и духовное образование целиком лежит на Церкви. Вся система православного духовного образования в США окрепла и приобрела стройный вид в период святительства архиепископа Тихона. Одной из его главных заслуг было преобразование с 1 сентября 1905 г. миссийской школы в Миннеаполисе в духовную семинарию. В отличие от семинарий в России, в нее принимались не одни юноши, но и взрослые, и она давала не общее, а только специально-богословское образование.

Последним решением, принятым в отношении духовного образования в период работы Поместного Собора стало постановление Высшего Церковного Управления от 4/17 сентября 1918 г. о положении духовно-учебных заведений в связи с обнародованием 24 августа Наркоматом юстиции инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении Церкви от государства. В уже разосланные ранее определения пришлось внести некоторые изменения: переименовать пастырские училища в пастырско-богословские, увеличить возраст поступающих в первый класс с 16-летнего до 18-летнего, исключить из программы преподавания общеобразовательные предметы и разрешить открытие, там, где невозможно создать училища, пастырско-богословских курсов. Наиболее активно в свете этих постановлений в дальнейшем развивалось духовное образование в Петрограде. Несмотря на препятствия со стороны советских властей уже осенью 1918 г. там было открыто Богословско-пастырское училище, затем Богословский институт, позднее Высшие Богословские курсы, просуществовавшие до середины 1928 г.

За годы гражданской войны число архиереев Русской Церкви в результате репрессий, эмиграции и естественной смерти сильно сократилось. И здесь

большую роль сыграло определение Собора от 15 апреля 1918 г. «О викарных епископах», в соответствии с которым расширялись их полномочия и увеличивалось число викариатств. Несмотря на значительные препятствия, это постановление было исполнено. Если в 1918 г. было совершено 4 архиерейские хиротонии, то в 1919 – 14, в 1920 – 30, в 1921 – 39 и т.д. Таким образом, число епископов выросло в несколько раз и составило в 1920–е гг. более 200. В условиях гонений, когда правящие архиереи подвергались арестам, управление епархиями брали на себя находящиеся временно на свободе викарии. Причем до 1927 г. ссыльные архиереи могли занимать кафедры в городах, из которых они были удалены, сохраняя, таким образом, молитвенно–каноническую связь с епархией. Многочисленность епископата стала одной из причин позволивших сохранить Русской Церкви апостольскую преемственность, несмотря на жесточайшие репрессии.

К началу 1920–х гг. стало ясно, что советские власти не допустят нормального, основанного на началах соборности, течения церковной жизни. Более того, они попытались разрушить созданные на Соборе 1917 – 1918 гг. структуры Высшего церковного управления, арестовав Патриарха, фактически ликвидировав Синод и ВЦС и организовав т.н. обновленческий раскол. Сформировав в конце мая 1922 г. свое Высшее церковное управление обновленцы попытались овладеть уже утвердившейся в церковном сознании традицией соборности. Первоначально они публично заявляли, что Поместный Собор будет созван в самое ближайшее время. Но он состоялся почти через год после «майского переворота» и во многом из–за позиции официальных властей, которые были заинтересованы не в стабилизации ситуации в Церкви, а в дальнейшем углублении раскола. Так, 26 мая 1922 Политбюро приняло предложение Троцкого занять выжидательную позицию в отношении трех существующих направлений в новом церковном руководстве: 1. сохранение Патриаршества и выборы лояльного Патриарха, 2. уничтожение Патриаршества и создание коллегии (лояльного Синода), 3. полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления (Церковь как «идеальная» совокупность общин верующих). Ставка была сделана на усиление борьбы между различными ориентациями и оттягивание с этой целью созыва Собора. Наиболее выгодной Троцкий считал комбинацию «когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть, организующаяся под знаменем синода или полной автономии общин».⁶ Влияние сторонников Патриарха Тихона явно ошибочно недооценивалось. Считалось, что с их «остатками» без труда справятся путем репрессий.

Пиком истории обновленчества встал их «II Поместный Собор». Он открылся в Москве 29 апреля 1923 г. Надежды значительной части духовенства и верующих на то, что Собор примирит, сгладит противоречия, укажет будущий путь, не осуществились. 3 мая на нем было принято постановление, с негодованием воспринятое подавляющим большинством верующих о лишении Патриарха Тихона сана и монашества и уничтожении Патриаршества в России. 8 мая делегация Собора была пропущена к находящемуся под домашним арестом Владыке и передала приговор, но он ответил лишь, что не согласен ни по форме, ни по существу. Как видно из архивных документов, значительная часть делегатов сотрудничала с ГПУ, и это ведомство через них проводило желательные для него решения. А в каких–либо серьезных преобразованиях Церкви оно не было заинтересовано. Таким образом, обновленчество по сути являлось церковно–политическим движением.

Как справедливо отмечал немецкий профессор Г. Шульц, объявление Собора 1923 г. II Поместным Собором Русской Православной Церкви, т.е. продолжающим традиции Собора 1917 – 1918 гг., было неоправданной дерзостью. Широкая церковная общественность, миряне и приходы в целом по сути не играли на Соборе 1923 г. никакой роли. Приходы в основной массе отвергали обновленцев. В 1925 г. последние даже обращались к советскому правительству с просьбой изменить приходской устав, поскольку «он дает возможность кулацким элементам

совета держать в кабале священника из-за экономической нужды под давлением совета, уходящего в тихоновщину».⁷ Предлагалось также поставить под контроль Епархиального управления выборы клира. Таким образом, обновленческое белое духовенство хотело вытеснить из церковного управления не только монашество с епископатом, но и мирян.

После освобождения 27 июня 1923 г. Патриарха Тихона влияние обновленцев резко упало, хотя они и смогли провести т.н. III Поместный Собор в 1925 г. Вернувшись к управлению Церковью, Патриарх сразу же попытался продолжить традицию соборного руководства, объявив своим указом в соответствии с определением о Высшем церковном управлении о создании нового Синода и ВЦС до созыва будущего Поместного Собора. Из-за противодействия властей эта попытка не увенчалась успехом, и резолюцией Первосвященителя от 9 июля 1924 г. деятельность Высшего церковного управления была прекращена. Но Патриарх не прекращал усилий в поисках возможностей для созыва Собора и образования церковного управления, вплоть до своей кончины 7 апреля 1925 г. Смерть Первосвященителя явилась большой и невосполнимой утратой для Русской Церкви. 12 апреля он был торжественно погребен в Донском монастыре. В тот же день 59 иерархов, прибывших на похороны Тихона, ознакомившись с завещанием Патриарха о Местоблюстителе, подписали заключение о вступлении в эту должность митрополита Петра (Полянского).⁸

Фактически это было Архиерейское совещание. Следует отметить важное значение постановления Собора на закрытом заседании 24 января 1918 г., когда ввиду опасного для Церкви развития политических событий Патриарху было предложено избрать несколько кандидатов в Блюстители Патриаршего Престола, которые воспримут его полномочия в случае, если коллегиальный порядок избрания Местоблюстителя окажется неосуществимым. Это постановление послужило спасительным средством для сохранения канонического преемства Первосвященительского служения. Уже в 1918 г. Патриарх назначил кандидатов в Местоблюстители и доложил Собору о сделанном им назначении без оглашения имен на пленарном заседании. Как теперь известно, среди этих имен был и будущий митрополит Петр, в то время вообще не имевший архиерейского сана, что избавило его от соответствующих подозрений со стороны органов советской власти. Но хотя Владыка Петр был и назначен Патриархом Тихоном, подписи почти всех находившихся тогда на свободе российских архиереев под актом о вступлении его в должность Местоблюстителя придавали назначению характер избрания.

Патриарший Местоблюститель митр. Петр, а затем его Заместитель митр. Сергей (Страгородский) пытались добиться разрешения властей на созыв нового Собора и выборы Патриарха. Весь период второй половины 1920-х – начала 1940-х гг. представляет собой время борьбы Русской Церкви за соборность и возрождение Патриаршества. В этой связи можно вспомнить неудачную попытку провести в тайне от властей заочное избрание Патриарха в 1926 г. через сбор подписей архиереев. Владыка Сергей, возглавивший Церковь после ареста митр. Петра, пойдя на ряд существенных уступок властям, в частности обещав выпустить печально известную декларацию о лояльности советской власти, весной 1927 г. получил предварительное согласие на возможный созыв Собора.

18 мая 1927 г. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя созвал в Москве совещание епископов, на котором выступал с проектом организации Временного Патриаршего Священного Синода (ВПСС) из 8 членов. 20 мая НКВД сообщил митр. Сергию, что «препятствий к деятельности этого органа впредь до утверждения его не встречается» (Синод был утвержден в августе). 25 мая состоялось официальное заседание ВПСС, в тот же день по епархиям было разослано постановление, в котором правящим архиереям предлагалось организовать при себе временные (до избрания постоянных) епархиальные советы и зарегистрировать их в местных органах власти. При викарных епископах предписывалось учреждать благочиннические советы.⁹ Однако проведение Собора и выборы Патриарха власти

в то время так и не разрешили. Более того, с рубежа 1928 – 1929 гг. началась длительная полоса крайне воинственного, нетерпимого отношения к Церкви.

Многие представители духовенства и мирян категорически не приняли курс митр. Сергия. В 1927–1928 гг. появилось довольно значительное течение т.н. «непоминающих» (за богослужением Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и государственные власти). «Непоминающие» свои надежды во многом возлагали на будущий Собор, который разрешит все разногласия. Апеллировали они и к авторитету Поместного Собора 1917 – 1918 гг. Так, одним из основных требований всех «непоминающих» было отстаивание соборного постановления от 15 августа 1918 г. о свободе политической деятельности членов Церкви.

Почти все 1930–е гг. гонения на Церковь шли по нарастающей, достигнув своего пика в 1937–38 гг., когда было репрессировано по церковным делам 165 тыс. человек, из них 107 тыс. расстреляно.¹⁰ Был уничтожен почти весь епископат, 18 мая 1935 г. митр. Сергей по требованию властей распустил Временный Патриарший Синод. Церковная организация была почти полностью разрушена, однако осталось множество верующих людей, что наглядно показали результаты переписи 1937 г., когда 56,7 % населения (более 55 млн. чел.) заявили о своей вере в Бога. В том, что Церковь в этот период выстояла, особое значение имели такие плоды работы Собора 1917 – 1918 гг., как оживление приходской жизни и увеличение в ней роли женщин. Не считаясь со смертельной опасностью, прихожане повсеместно оказывали сопротивление закрытию храмов. И подавляющее большинство в составе приходских советов в 1930–е гг. составляли женщины. Они продемонстрировали удивительное бесстрашие и стойкость в самоотверженном служении Церкви. Именно женщины ехали в ссылки, чтобы сопровождать и спасать от смерти своих пастырей, давали приют гонимым и обеспечивали подпольную жизнь и церковную службу. Появилось много подвижниц, не постриженных в монашество, но живших по монашескому, возникли сотни т.н. «монастырей в миру». Все это позволило Церкви не только выстоять, но и возродиться, как только внешние обстоятельства изменились.

Если на территории СССР в 1920–е – 30–е гг. провести Собор оказалось невозможно, то за границей в среде русской церковной эмиграции соборная традиция получила определенное продолжение. 21 ноября 1921 г. на территории Югославии в Сремских Карловцах состоялось первое заседание Общецерковного заграничного собрания, переименовавшего себя вскоре в Русский Всеаграничный Церковный Собор. В его состав вошли почти все оказавшиеся за рубежом русские архиереи и члены Поместного Собора 1917 – 1918 гг., а также делегаты от приходов, эвакуированной армии и монашествующих. Карловацкий Собор образовал Высшее церковное управление (в составе Архиерейского Синода и Высшего Церковного Совета), правда, просуществовавшее не долго. В дальнейшем в эмиграции неоднократно проходили Архиерейские Соборы, а в августе 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся II Русский Всеаграничный Собор с участием епископов, клириков и мирян, на котором, правда, была представлена далеко не вся церковная эмиграция. После начала Второй мировой войны члены Архиерейского Синода Зарубежной Русской Православной Церкви осенью 1941 – весной 1942 гг. составили несколько проектов организации высшей церковной власти в России. Центральной мыслью этих проектов была необходимость созыва в Москве «Собора русских архиереев старейшим из них и назначение этим Собором временного главы Церкви и остального церковного управления», «которое впоследствии созвало бы и Всероссийский Собор для восстановления Патриаршества и суждения о дальнейшем устройстве Русской Церкви».¹¹

Даже после страшных репрессий и чисток 1930–х гг. центральная роль и программа Собора 1917 – 1918 гг. не была забыта и в России. Он продолжал оставаться для верующих своего рода «церковным маяком», своеобразным идеалом, к которому нужно стремиться. Хотя в сентябре 1943 г. и было восстановлено Патриаршество, а в январе – феврале 1945 г. в Москве проведен

Поместный Собор Русской Православной Церкви, в условиях тех лет невозможно было вернуться к постановлениям Собора 1917 – 1918 гг.

Ситуация начала меняться только в конце 1980-х гг. В 1988 г. состоялся Поместный Собор, приуроченный к празднованию 1000-летия Крещения Руси. Именно он еще в советских условиях смог частично возродить соборную традицию и вернуть в практику церковной жизни некоторые определения Собора 1917 – 1918 гг. Был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», согласно которому Соборы планировалось созывать с определенной периодичностью, в частности, Поместный Собор не реже одного раза в пять лет. Это можно считать возвращением к идеям Собора 1917 – 1918 гг. При этом, как и прежде, указывалось, что высшая власть в области вероучения, церковного управления и суда принадлежит Поместному Собору. Патриарх, согласно Уставу, имеет первенство чести среди архиереев и подотчетен Собору. Управление Церковью он осуществляет совместно со Священным Синодом, число временных членов которого увеличилось до пяти.

Устав восстанавливал и предусмотренные Собором 1917 – 1918 гг. епархиальные собрания. Они получали полномочия избирать сроком на один год половину членов епархиального совета, при помощи которого архиерей должен осуществлять управление епархией. Основные положения 8-й главы Устава («Приходы») были приведены с учетом исторических реалий конца 1980-х гг. в соответствии с решениями Собора 1917 – 1918 гг. Так, определение прихода, данное новым Уставом, практически совпадает с формулировкой 1918 г., так же как и характеристика состава приходского причта. Правда, в отличие от Приходского устава 1918 г. члены причта теперь могли быть увольняемы не только по суду и собственному прошению, но и «по церковной целесообразности». На Соборе 1988 г. обсуждались и вопросы о необходимости увеличить выпуск религиозной литературы, открывать новые духовные учебные заведения. После Собора 1917 – 1918 гг. в силу негласного запрета властей вопросы канонизации не могли быть поставлены открыто. И вот теперь этот запрет оказался преодолен, Собор 1988 г. прославил к общецерковному почитанию 9 святых, живших в XIV – XIX веках. К празднику 1000-летия Крещения Руси Богослужебная комиссия подготовила «Чинопоследования праздника Крещения Руси». Согласно Уставу, служба Господу Богу в память Крещения Руси должна предшествовать и соединяться со службой всем святым, в земле Российской просиявшим. Таким образом, завет Собора 1917 – 1918 гг. был окончательно выполнен через 70 лет. В целом же на Соборе 1988 г. впервые за все годы советской власти духовенство и миряне могли откровенно обсуждать насущные церковные проблемы. И образцом, на который следует равняться, для них был Великий Собор 1917 – 1918 гг.

Через год, 9-11 октября 1989 г. состоялся Архиерейский Собор, одним из важнейших решений которого стала канонизация Патриарха Тихона. Также было заявлено о необходимости возрождения приходской жизни. В связи с подготавливавшимся тогда законом «О свободе совести», Церковь заявила о необходимости внесения в него пункта о признании юридическим лицом церковной организации в целом. Таким образом, на Архиерейском Соборе был открыто поставлен вопрос о пересмотре дискриминационных для Церкви отношений с государством.

Последний в советский период Поместный Собор состоялся вскоре после кончины Патриарха Пимена (3 мая 1990 г.). На предшествовавшем Архиерейском Соборе впервые с 1917 г. тайным голосованием были избраны 3 кандидата на Патриаршую кафедру. Делегаты открывшегося 7 июня 1990 г. Поместного Собора выдвинули еще несколько кандидатур, но ни одна из них не получила необходимой поддержки. Прозвучало даже предложение использовать, как в 1917 г., для избрания Патриарха жребий, правда, большинство соборян его не поддержало. Так традиции Собора 1917 – 1918 гг. напомнили о себе. К тому же голосование было тайным. Во втором туре большинство получил митрополит Алексей (Ридигер). Собор 1990 г. принял решение о канонизации отца Иоанна

Кронштадтского и поручил Комиссии по канонизации святых подготовить материалы к прославлению новомучеников, пострадавших за веру в XX веке. Обращение к подвигу новомучеников свидетельствовало о том, что и Московская Патриархия помнит о бывших гонениях и надеется на восстановление соборной жизни, обратившись к опыту Собора 1917 – 1918 гг.¹²

Следует вспомнить, что именно этот Собор принял определение: «Установить возношение в храмах за богослужением особых прошений за гонимых ныне за Православную веру и Церковь и скончавших жизнь свою исповедниках и мучениках... Установить по всей России ежегодное молитвенное поминовение в день 25 января или в следующий за ним воскресный день... исповедников и мучеников».¹³ Важное значение в церковной жизни теперь стали играть и другие тематически близкие определения Собора «О порядке прославления святых к местному почитанию» от 3 сентября 1918 г. и «О восстановлении празднования дня памяти всех святых Российских» (в неделю 2-ю по Пятидесятнице) от 13 августа 1918 г. Уже в 1992 г. определением Архиерейского Собора был установлен Собор новомучеников и исповедников Российских (в неделю, ближайшую после 25 января), а в 1993 г. Комиссия по канонизации восстановила порядок канонизации местных святых XI – XVII вв., принятый Собором 1917 – 1918 гг.

Подводя итог, следует сделать вывод, что почти весь 20 век Русская Православная Церковь так или иначе боролась за сохранение и возрождение принципа соборности, руководствуясь, насколько это было возможно в тех условиях, определениями Собора 1917 – 1918 гг. Огромный, в значительной степени до сих пор не реализованный на практике комплекс определений и опыт работы Собора сохраняют актуальность и в настоящее время.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М., 1983. С. 114.

² Церковные ведомости. 1918. № 3–4. С. 20–22; Петроградский церковно-епархиальный вестник. 1918. 27 февраля, 4 мая; Центральный государственный архив С.-Петербурга, ф. 143, оп. 3, д. 5, л. 48–53, 72–73.

³ Государственный архив Российской Федерации, ф. 353, оп. 2, д. 713, л. 170–176; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по С.-Петербургу и Ленинградской области, д. П–88399.

⁴ Подробнее смотри: Шкаровский М.В. Александро-Невское братство 1918 – 1932 годы. СПб., 2003.

⁵ Кашеваров А.Н. Церковь и власть: Русская православная церковь в первые годы советской власти. СПб., 1999. С. 103.

⁶ Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 60, д. 63, л. 71–72.

⁷ Вестник Священного Синода. 1925. № 2.

⁸ Известия ВЦИК. 1925. 15 апреля.

⁹ Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 414–417.

¹⁰ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995. С. 94–95.

¹¹ Синодальный архив в Нью-Йорке, д. 15/41, л. 7, 10–12, 27–30.

¹² Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890–х – 1918 гг.). М., 2002. С. 570–573.

¹³ Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. Вып. 3. М., 1994. С. 55–56.